

A photograph of a woman's torso from the neck down to the waist, wearing a white t-shirt. The image is overlaid with a semi-transparent white box containing text. The background is a plain, light-colored wall. The woman's hair is dark and styled in a bob. Her lips are visible at the top of the frame.

АНА МЕЛИЯ

**СТУЧИТЕСЬ,
ОТКРЫТО**

Как я боролась с раком,
потеряла надежду
и нашла себя

Ана Мелия

**Стучитесь, открыто. Как я
боролась с раком, потеряла
надежду и нашла себя**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905068
ISBN 9785448582325*

Аннотация

Сегодня тема рака перестала быть табу, а сама болезнь – приговором. Но в тени громких историй побед не слышно тех, кому не посчастливилось оставить рак в прошлом. Как быть, если жизнь превратилась в череду химиотерапии и операций? Героиня через боль и страх смерти ищет свой путь, который неожиданно приводит ее к самой себе, вере и безусловному принятию.

Содержание

Вступление	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой платье оказывается врагом человека	10
ГЛАВА ВТОРАЯ, с которой начинается моя бессонница	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой мы с вами наконец-то знакомимся	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мы ненадолго перенесемся в прошлое	19
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой появляется Морской волк	23
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой меня хотят зарезать... хотя нет, мне показалось	28
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой слишком мало воздуха	31
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой появляется новый важный герой – надежда	36
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой мы прогуляемся по моему биополю	39
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой я встречаюсь с королем и его свитой	44
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, наполненная	49

пузырьками, капельницами и таблетками	
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, доверху забитая болью и отчаянием	52
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, из которой мы узнаем, как вылечить рак	55
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой мы коснемся сложной дилеммы	60
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, влажная от слез	64
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, после которой волос на моей голове уже не останется	68
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой я объявляю войну	71
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, с запахом моря, шумом вечеринок и привкусом вина	74
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой я бы предпочла спать дальше	78
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой умирает человек	82
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой вы услышите стук каблуков	85
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой я узнаю быстрый и эффективный способ похудеть	89
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой вроде бы ничего важного не происходит	92
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой	95

я чувствую себя Люком Скайуокером
Конец ознакомительного фрагмента.

Стучитесь, открыто Как я боролась с раком, потеряла надежду и нашла себя

Ана Мелия

Редактор Леночка Трускова

Дизайнер обложки Лена Деревянко

Дизайнер обложки Лёля Ле

Корректор Мария Марущак

Фотограф Елена Каримова

Редактор Алёна Козлова

© Ана Мелия, 2019

© Лена Деревянко, дизайн обложки, 2019

© Лёля Ле, дизайн обложки, 2019

© Елена Каримова, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4485-8232-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Когда болеет человек, то болят и все, кому он дорог. Болеют по-другому – не физически, а душевно. Тщательно прячут слезы, через силу натягивают улыбки, утрамбовывают свой страх, ищут правильные слова поддержки. Я не знаю, кому из нас сложнее. Но я знаю точно: без моего любимого мужа, рано повзрослевших деток, без моих родителей не было бы этой книги. Спасибо вам, мои родные!

Я посвящаю эту книгу девочкам, с которыми нас свела общая беда, чьи истории вплелись в сюжет, чьи открытость и мужество так многому меня научили, чья битва продолжается по сей день или была трагично прервана. Всем вам, мои смелые и отважные!

Дорогой читатель!

Я знаю, что все написанное ниже может вызвать в тебе бурю противоречивых эмоций (особенно если тебя тоже так или иначе коснулась тема болезни). Поэтому мне важно подчеркнуть, что эта книга вовсе не инструкция по выживанию, не руководство к действию. Это история (в чем-то личная, в чем-то бережно сохраненная и пересказанная вслед за моими подругами) поиска ресурсов в борьбе с тяжелой болезнью.

НЮ.

То, что мы сегодня наблюдаем в нашей системе здравоохранения – чудовищно. И мне невероятно больно за всех нас. Но я твердо знаю, что мы имеем право на лучшее лечение, на уважение и сострадание, на новейшие препараты и качественную диагностику. Я с огромной тоской вынуждена признать, что все это недоступно большинству российских пациентов. Поэтому единственное, что представляется мне возможным – говорить об этих проблемах вслух. В свете этого непростого разговора я преклоняю голову перед теми врачами и медсестрами, которые, существуя внутри этой системы, находят в себе душевные силы действовать вопреки ее абсурдным и несправедливым законам. Я знаю таких немало, но почему-то на общем фоне они кажутся мне одинокими и смелыми бойцами...

Я надеюсь, что описанные ниже мои скитания не станут стеной, которая отгородит меня от тех, кому посчастливилось встретить прекрасных врачей, пройти все испытания и действительно оставить трудное лечение в прошлом. Потому что эта история в первую очередь о том, как через страх, боль и отчаяние я нашла дорогу к себе. Я делюсь этим искренне и откровенно в большой надежде, что кому-то, потерянному и одинокому, станет немного легче.

Ана Мелия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой платье оказывается врагом человека

Я стою в примерочной магазина женской одежды. Шторки наглухо задернуты, ни малейшей щелочки, пылинки театрально разлетаются под яркой лампой. Плотная бархатная ткань штор надежно прячет меня от посторонних глаз. Никто не подсматривает, я совсем одна. И все-таки, вытирая мокрые от слез щеки и шею, я рукой невольно прячу грудь. Мой взгляд упирается в большое, на всю стену, зеркало: сквозь пальцы в нем отражаются большие куски лейкопластыря и компрессионное белье.

Я устала. Во мне почти не осталось жизни. Я износилась, растрепалась, расклеилась. Кого я пытаюсь обмануть? Надеюсь чертово платье и моя жизнь изменится? Какой бред!

Срываю с вешалки платье, оно еще совсем новое, без груза воспоминаний и проблем, и бросаю в угол кабинки. Это оно во всем виновато. Ведь я и не собиралась ничего покупать, но магазины модной одежды так тщательно продума-

ны! Сопротивляться невозможно. Красивые витрины, яркие постеры с изображением счастливых женщин, приветливые продавцы. И одежда, много новой одежды. Всё обволакивает, убаюкивает и заманивает в мир будущего, где я, здоровая, красивая и уверенная в себе девушка, смело шагаю вперед.

Наваждение такое явное, что я не успеваю его прогнать. И на меня смотрит платье. Оно покачивается на вешалке в ослепительных лучах иллюзии, будто подмигивает:

«Я расскажу тебе о счастье. Я знаю о нем всё. Ты наденешь меня и станешь легкой, невесомой, парящей. Мы будем мчаться на велосипеде по лавандовым полям, без сожаления пачкаться ягодами, молодым вином. Ты станешь беззаботной, будешь всегда смеяться...». Я попадаю в ловушку. Забываю о том, что творится в моей жизни. Беру платье и скрываюсь в свободной кабинке.

Невидимые потоки подхватывают новых жертв и разносят их по соседним примерочным. Как крылья гигантской бабочки, развеваются шторы. Женщины ныряют под них, прижимая к груди охапки вещей.

Если бы разукрасить мысли, что, словно облака, порхают над примерочными, картинка получилась бы впечатляющей. Зефирно-розовые, изумрудные, рубиновые, синие, бордовые, фиолетовые облачка взмывают при каждой удачной

примерке и клубятся под потолком. А над моей кабинкой как будто бы ничего и нет. Какого цвета пустота?

Слезы высохли, только все еще сильно зудит кожа от них. Новое платье лежит на полу, обиженно отвернувшись. Глупое платье! Возможно, ты когда-нибудь поймешь меня. Отказавшись от покупки, я тебя спасаю! А иначе что тебя ждет? В лучшем случае пара выходов, где люди будут с тоской и жалостью нас разглядывать. А потом я внезапно умру и ты на долгие месяцы застрянешь в шкафу вместе с другими пленниками-воспоминаниями.

Когда родные немного отойдут от горя, они, быть может, разберут мои вещи, только это тебе уже не поможет. Ты будешь напоминать о бедной больной Ане, что умерла молодой. Никто не рискнет тебя надеть, никому ты не будешь нужна. Так и закончишь жизнь в тесной коробке, выброшенной на свалку.

В примерочной почти не осталось воздуха. Мысли раздулись, заняв все свободное место. Бесцветные мысли только кажутся невинными. На самом деле, они неподъемно тяжелые.

ГЛАВА ВТОРАЯ, с которой начинается моя бессонница

Я смертельна больна. Это довольно часто мешает мне жить.

Я учусь ловить баланс. И тогда пустота в моей душе наполняется эмоциями, как большая кастрюля с лечо, куда кидают все, что нашлось в овощной лавке. Сейчас там, булькающая, кипят злость, отчаяние, надежда, ненависть, жалость, боль, тоска и любовь. Так было не всегда. Точнее, я всё ещё помню себя совершенно другой. Настолько воздушной, беззаботной, что ни одна проблема не могла всерьез заземлить меня.

Помню это умиротворяющее, убаюкивающее чувство внутри: я здесь, я живу, я уверенно иду вперед, навстречу гарантированному счастью. Чувство это всегда было настолько осязаемым и четким, что казалось, будто оно не просто живет внутри меня, а вращает планету. От этой мощной центрифуги как будто отскакивали все мелкие проблемы и неурядицы, а внутри создавалась удивительная невесомость. В ней сосуществовали смех и радость, семейное счастье и успешная карьера, любимое дело и друзья, праздники и вечеринки. Конструкция настолько прочная, что, казалось,

простоит столетия. Не было ничего более фундаментального для меня, чем это ощущение бесконечности жизни.

Поэтому в ту ночь, когда я впервые услышала свой диагноз, я изо всех сил старалась пробиться туда, в глубину своей прежней конструкции, раскидывая в разные стороны те чудовищные мысли, что лезли в голову: «Я не могу умереть, это неправда. Ну, конечно, когда-то в глубокой старости – возможно, но не сейчас. Не сейчас. Я же живу! Я жива и здорова. Все происходящее – это какой-то бред. Правда?». Раздавленная ужасом, я лежала в кровати. А в голове, как в заброшенном кинотеатре, зажевало пленку на повторяющемся слайде: «Вторая или третья стадия, готов поспорить», – в кадре было отстраненное лицо врача, который повторял эти слова раз за разом.

В эту ночь – майскую, теплую, наполненную запахами раннего лета, тихим жужжанием кондиционера и теплом отдыхающего от дневного солнца воздуха – моя простая, понятная и счастливая жизнь обнулилась. Не пройдет и пары лет, как я отрекусь от всего, что знаю, и, словно прах, рассею на краю пропасти свою веру. А потом, опустошенная и раздавленная, по крупичкам буду собирать свою душу заново.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой мы с вами наконец-то знакомимся

Меня зовут Анна. У меня прекрасная семья: муж и двое деток. Дочка и сын. Занимаю должность креативного директора дизайн-бюро. Смысл моей работы – удивлять людей необычным исполнением обычных вещей. Смешные бокалы в форме раздавленной банки колы, удивительной формы стулья, странные лампы – все это рождается в результате работы талантливых дизайнеров. Моя задача состоит в том, чтобы дать этим идеям шанс воплотиться в жизнь, а для этого нужно подобрать материал для изготовления, найти рынки сбыта, составить стратегию продвижения. В этой работе нет границ и барьеров кроме тех, что рождаются в моем воображении. Поэтому каждый новый проект – это всегда вызов лично мне. В мире не нашлось бы другой, более интересной для меня работы, потому что я обожаю ощущение победы над самой собой.

И оказалось, что такая талантливая, успешная и разносторонне развитая личность могла себе позволить совершенно ничего не знать о раке. Мне никогда не приходилось сталкиваться с ним. Я не исследовала зоны его распространения, возможные размеры опухолей, аудиторию и классификации. Я только знала, что есть такая болезнь, и точка. Когда я слы-

шала слово «рак», то представляла себе худых, изможденных, лысых людей. И, конечно, быструю смерть. Поэтому, услышав этот диагноз, черт возьми, да я просто возмутилась! Нет! Это какая-то чудовищная ошибка.

Началось всё с душа. Или, если быть точной, с крема, которым я обычно пользуюсь после душа. За несколько месяцев до этой бессонной, пропитанной кошмарами и головной болью ночи, был один из обычных вечеров, в который я после душа выдавила на ладонь немного крема. Что-то мурлыкая себе под нос, втирая эту жирную субстанцию, скользнула пальцами по груди и тут же остановилась. Крохотный бугорок, такой невинный, еле ощутимый шарик под кожей. Я сразу его заметила, но даже не успела испугаться, так как объяснение пришло само собой. Совсем недавно в моей жизни закончилась эра грудного вскармливания младшей дочки Марии. Грудь по-своему среагировала: устроила забастовку в виде уплотнений от застоя молока. Но прошло немного времени и всё наладилось. Однако новый шарик под кожей был другой структуры, безболезненный, непохожий на прежние.

Я решила пойти к маммологу на всякий случай. Просто чтобы в очередной раз похвалить себя за внимательность к своему здоровью. Разумеется, опасения были напрасны! Комок в груди не вызвал опасений и у врача. Приятная,

внимательная женщина выслушала меня, осмотрела, сделала УЗИ и выписала таблетки (что-то гормональное), написав в заключении «мастопатия».

Мне везло на врачей, хоть я встречалась с ними крайне редко. Две удачные и легкие беременности, разрешившиеся показательно-отличными родами, укрепили это ощущение. Я верила врачам, их тайным знаниям, их уверенности в своих решениях.

Допив последнюю таблетку и заметив, что комок в груди стал больше, я все еще была спокойна. То и дело вертела в руках заключение, в котором было написано, что следующий прием рекомендован спустя три месяца. Но бумажка совсем затерлась и от этого стала как будто менее убедительной. К тому же было всё сложнее не обращать внимание на потягивающее ощущение в груди. Я решила показаться еще одному врачу.

На этот раз выбирала более тщательно. В платные частные клиники идти больше не хотелось. В итоге записалась в Центр планирования семьи. Там работал маммолог, которого хвалили на женских форумах. Запись была на две недели вперед! Пока я дождалась своей очереди, поводов для беспокойства прибавилось. Заболела и как будто раздулась подмышка, кожа на груди стала кровоточить, так как не за-

живала маленькая трещинка.

Новый маммолог что-то больно ковырнул на коже для анализа, внимательно осмотрел, расспросил про вредные привычки (я гордо перечислила: « не курю, не пью»), здоровье родственников («спасибо, все здоровы и счастливы, онкологических заболеваний в семье нет»), образ жизни («топлесс не загораю, в солярий не хожу, детей кормлю грудью»). На этот раз назначили курс антибиотиков. По всей видимости, это воспалительный процесс, на который указывали и болезненная кожа, и само уплотнение, и узелок под мышкой. Забрав листок с назначением, я успокоилась и пошла выполнять предписания врача.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мы ненадолго перенесемся в прошлое

Если бы существовали технические характеристики для людей, у модели «Анна-2013» было бы несколько режимов функционирования. По пути на работу во мне включался режим успешной, прекрасно знающей свое дело женщины-руководителя. Но стоило часовой стрелке подкрасться к концу рабочего дня, тумблер тут же переключался на следующий режим – «любящая жена и мама». Он заставлял нестись домой, по пути заскакивая в магазины, придумывая, что приготовить на ужин. Дома меня ждал главный проект – семья.

С мужем мы познакомились в компании общих друзей. Я без особого интереса прислушивалась к разговору за столом. Мысли гуляли где-то далеко, в руинах прежних отношений. Напротив меня сидел парень, он коротко представился: «Миша». Его простое открытое лицо, темные каштановые волосы, крепкое телосложение, возможно, в другой момент показались бы привлекательными. Но тогда я отвела глаза и уже готова была уходить. Он предложил проводить меня, я тоскливо согласилась – терять было нечего, хуже точно не будет.

Я что-то говорила всю дорогу, а он молчал и слушал. А ко-

гда остановились у подъезда, вдруг взял за руку, притянул к себе и поцеловал. От неожиданности я не успела даже начать сопротивляться. Стоило ему прижать меня к себе, как я сразу поверила. Не ему, нет, его ведь почти не знала, запомнила только имя. Я поверила его рукам, глазам, губам, что целовали меня и что-то шептали. Наши тела, незнакомые друг другу, словно узнали друг друга. А может, просто оба истосковались по теплу и искренности. Мы целовались у подъезда, будучи не в силах отпустить друг друга. Никому из нас не приходила мысль остановиться, разойтись, разъехаться по домам. Оба будто знали, что поступи мы так, день обернется предательством, подтверждением, что волшебство это – пустой дешевый трюк.

С того вечера мы практически не расставались. С трудом отрывались друг от друга на время работы, часы сна, но всё – абсолютно всё – свободное время целовались и шептались. О чем говорили, уже никто и не помнит. Договорились любить друг друга с каждым днем все больше и больше. Меня, пожалуй, это и убедило в правильности выбора: всегда было важно знать, что лучшее ждет впереди. И даже когда в наших отношениях случился «серьезный кризис» – выяснилось, что я абсолютно не способна пожарить картошку, которую Миша очень любит – мы выстояли и остались вместе. Он однажды сказал, что любовь укрепляют дети и количество прожитых лет, подтвердив, таким образом, мое убеж-

дение.

К началу истории с обследованиями непонятного мне уплотнения в груди наша любовь имела семилетний срок выдержки и была отмечена двумя звездочками-детками. Лукасу исполнилось пять лет, мой смысленый мальчуган с карими глазками-бусинками. Маришке было около двух, и я как раз планировала праздник на день её рождения.

Через неделю курс антибиотиков закончился. Наступили долгожданные майские каникулы. Наш город, уставший от дождей и неуютного ветра, как будто бы понял, насколько хорош собой: разрешил солнцу подолгу играть в бликах многочисленных окон и витрин, взбил зелень деревьев до объемной яркой пены, решительно отодвинул наступление темноты на пару часов. Горожане выбирались из спячки после холодной весны. Нас захватил бурлящий водоворот майских праздников. Шашлыки на живописных полянках, долгие прогулки по паркам, встречи с друзьями. Я вынырнула в повседневную жизнь, отпраздновав двухлетие дочки и купив билеты на море. Завершила проекты на работе. Свободного времени прибавилось, и я хотела потратить его на подготовку к поездке.

Знание, которое я упорно игнорировала все праздники, переключая свое внимание на что-то радостное, легкое

и безмятежное, снова появилось передо мной, конкретное и реальное. Грудь болела. Лучше не становилось. Приходилось что-то делать.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой появляется Морской волк

Я снова пришла к маммологу. Меня снова отправили на УЗИ. На этот раз обследование делали долго и тщательно, рисуя холодным роликом на моей груди запутанные геометрические фигуры. Потом велели одеваться и ждать в коридоре. Мне почему-то запомнился взгляд этой женщины. Взяв заключение УЗИ, она молча ушла в кабинет врача. Ни её лицо, ни цвет волос – ничего не осталось в памяти. Но глаза – такие напуганные и внимательные – да. «Ого, как все серьезно», – с иронией подумала я.

Позвали в кабинет. Какие-то общие, ничего не значащие предложения. Я расслабленно слушала, пока врач вдруг не оборвал разговор на фразе:

– Думаю, Анна, вам лучше показаться онкологу. – Онколог? Где он вообще принимает? В онкологическом диспансере? – Ну и место! От одного названия уже неприятный металлический привкус во рту. Оказывается, надо еще пройти кучу обследований, чтобы получить направление туда. – Да вы шутите! Мне же на море через неделю! Умееее испортить настроение перед отпуском.

Море было так близко! Оно обдавало меня почти осязае-

мым солоноватым ветерком. Я уже чувствовала жар по-южному щедрого солнца, прикрывала глаза, защищаясь от миллиона искр морской глади, вдыхала дурманящие запахи летних рынков. Знала, еще немного и все это великолепие вытеснит обыденную жизнь, я окажусь во власти приятной лени и удовольствий.

Но почему-то вместо того, чтобы наслаждаться приятным предвкушением, пришлось сделать рентген, сдать кучу анализов, обойти нескольких врачей – всё ради того, чтобы получить направление к онкологу. И это в то время, когда мне предстояло выбирать красивые наряды на лето, шляпу с широкими полями, большие солнечные очки, браслеты, которые будут радовать веселыми солнечными днями и волнующими южными ночами!

Душа моя рвалась собирать чемоданы, наслаждаться приготовлениями, но что-то глубоко внутри распрямилось и стало больно колотиться. И это что-то толкало меня в унылые больницы, запихивало в кабинеты врачей, торопило и злилось, когда я придумывала способы бегства от тягостной ноши. Это колючее ощущение внутри оказалось гораздо сильнее моей лени, беззаботности и даже крепкого, хорошо утрамбованного жизнелюбия. Именно оно – колючее и неудобное – еще не раз спасет мне жизнь.

К онкологу я добралась в конце мая. Мой первый онколог – Валерий Сергеевич – был серьезен. Его густые седые волосы по ручейкам бакенбардов перетекали в белоснежные усы и бороду. Невысокого роста, мощный, крепкий, он напоминал мне капитана из детских книжек. Не хватало тельняшки и трубки во рту. Его отстраненность, разговоры с самим собой, долгие взгляды в никуда. Такому человеку встать бы на корме корабля и отдавать команды матросам низким и громким голосом. А вместо этого он сидел в старом здании районного онкодиспансера в окружении пожилых пациенток, робко приносящих в качестве благодарности бутылку дешевого коньяка. Наверное, Валерий Сергеевич и сам понимал, что оказался не на своем месте. Здесь были груди разных калибров... с другой стороны, гарантированный коньяк. Валерий Сергеевич крепкопил, но это не мешало ему работать.

Когда его пальцы впервые пробежали по моей груди, он тут же всё бросил и принялся кому-то звонить. Мне достались срочные поручения:

– Пойдешь делать маммографию. Это в соседнем здании. Скажешь, что от меня, и пройдешь без очереди. Бегом! Одна нога здесь, другая там!

Надо было ему все-таки идти в капитаны. Команды отда-

вал он четко. Я послушалась и побежала, подгоняемая желанием скорее разделаться со всей этой нелепостью. Села в очередь за такими же, как и я, «отвалериясергеевичами» и «отгеннадияивановичами».

Маммография оказалась процедурой крайне болезненной и неприятной. Уже заметно отекая, тяжелая и твердая грудь категорически не хотела размещаться в нужных плоскостях. Женщина в мятом халате не стала церемониться: втиснула ее между двух пластин и с силой закрутила. Крик застрял у меня где-то в горле, и в то же мгновение хлынули из глаз слезы. Мне было больно, очень больно и обидно стоять тут, зажатой чем-то холодным и злым.

– Замри, – грубовато бросила через плечо медсестра. Но, услышав мои рыдания, сникла. – Ну хватит, хватит, не плачь. Надо так, понимаешь? Потерпи, я сейчас быстренько пару снимков сделаю и отпущу.

Управилась она и правда быстро, а потом еще и без очереди сделала заключение. Мягко сунула его мне в руки:

– Ну, беги, чего сидишь?

Старый морской волк Валерий Сергеевич, докуривая очередную сигарету под окнами больницы, никуда отпускать ме-

ня не собирался. Изучив размытые снимки, он выдал мне новое задание в духе «Поднять паруса!».

– Шагом марш на биопсию в восьмой кабинет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой меня хотят зарезать... хотя нет, мне показалось

Кабинет номер восемь находился в глубине коридора. Его искусственно отделили дополнительными дверями, образовав таким образом небольшой предбанник. Ко мне вышла медсестра, буднично и уныло сказала раздеться до трусов и надеть бахилы. Я в недоумении застыла. До трусов и в бахилах? Это что за дикий наряд?

– Такие правила, – отрезала она и закрыла дверь, оставив меня одну в небольшом коридоре. Я стала робко раздеваться. С ужасом обнаружила, что как раз сегодня надела довольно вызывающие леопардовые стринги. Села, вжавшись в стену, обхватив себя руками. Вышла медсестра и нервно уточнила:

– Бахилы где? Почему не надела? – пришлось натянуть два синих пакета на ноги и в таком виде войти.

В восьмом кабинете было многолюдно. Молодой врач, две медсестры – все разом повернулись в мою сторону. Не зная, что прятать (грудь или леопардовые трусы), я поплелась в па-

кетах-бахилах по холодному полу.

– Ложись на кушетку, будем делать тебе прокол.

Легла. Мои руки оторвали от груди и развели по сторонам. Предупредили, что сейчас будет больно, и резко воткнули прямо в грудь раскаленный кинжал. Нет, это, конечно, был не кинжал, а толстая игла для биопсии, но грудь мою пронзило таким огнем, что я даже не смогла выдохнуть. Дикая, горячая боль разлилась по измученной маммографией груди, но самое страшное было впереди. С такой же силой врач резко достал иглу и снова меня будто ударило током. Я еле сдерживала слезы, стонала и молилась, но мне приказали лежать спокойно, потому что биопсию нужно повторить.

– Нет, нет, пожалуйста, не надо, я не могу!

– Терпи, это тебе надо. Ещё один разочек и отпустим.

Я застыла без движения и дыхания. Внутри себя сжалась в комок боли и стыда, лежа без одежды в чертовых бахилах в холодном бездушном кабинете, где мне без обезболивающего протыкали больную грудь огромной иглой. Место прокола горело, мышцы внутри от боли скрутил спазм, спина стала мокрой. Когда врачи скомандовали:

– Готово, можешь одеваться, – у меня не осталось сил ответить. Я с трудом встала и на слабых ногах поплелась к своей одежде.

Морской волк поймал меня где-то на лестничном пролете и скомандовал быть как штык на следующий день на врачебной комиссии. Без вариантов. Грудь тянуло, голова гудела, но слезы уже не текли. Они застыли где-то внутри.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой слишком мало воздуха

Комиссию назначили на полдень. И чем меньше времени оставалось до полудня, тем беспокойнее становилось у меня на душе. Я не боялась, потому что ничего страшного сказать мне не могли. Я уже сдала онкомаркеры, они были в норме. Наконец-то получила заключение по тем самым клеткам кожи, что так больно взяла из ранки маммолог – и там чисто.

Подруги в один голос рассказывали, что такое случалось практически с каждой. Устрашающие подозрения всегда оказывались беспочвенными. Да я и сама понимала, насколько нелепы могут быть подобные предположения. Моя мама, многочисленные тетушки, сестры – все ближайшие родственницы были здоровы. Обе бабушки уже умерли, но причины их смерти значительно отличались от рака – инфаркт, инсульт.

И всё же... какая-то посторонняя мысль, еще толком не сформулированная, сырая и невнятная, дергала меня: «Что это может быть? Что за болезнь, которая не лечится антибиотиками, не реагирует на примочки, которые мне прописали, и так быстро распространяется?». Беспомощность лекарств, которую я наблюдала уже третий месяц, была мне

неприятна. Я не могла ничего проанализировать, не знала, как взаимодействовать, и это новое для меня ощущение отсутствия контроля над своим телом нервировало.

Обычно решительная и собранная, я чуть дрогнувшим от напряжения голосом попросила мужа:

– Миш, поехали вместе. Что-то мне в этом диспансере не по себе, неприятно. Сходи со мной на комиссию.

Миша, как и большинство сильных и уверенных в себе мужчин, больниц не любил и ехать туда боялся. Едва переступая их порог, он менялся, в глазах появлялись какая-то запуганность и бессилие. Рационального смысла брать такого помощника с собой не было, но я почему-то успокоилась, когда он согласился.

Приехали и тут же попали в вязкую, крикливую, нервную очередь. Люди заходили в кабинет, чтобы выйти или с надеждой и обнадеживающими результатами в руках, или с отчаянием, когда по лицам врачей читаешь гораздо больше, чем в своем сухо написанном, непонятном диагнозе. Мы выбивались из окружающей среды. Держались за руки, что сдувало напряжение, как дорожную пыль. Шептались, хихикали, говорили о предстоящей поездке (оставалось меньше недели, а вещи стояли несобранными). Наконец назвали на-

шу фамилию. Мы вместе шагнули в кабинет.

Повсюду сидели врачи. Человек восемь-девять, не меньше. На стульях, краешках стола, тумбочках. Морской волк стоял рядом с нами и неуместно торжественным голосом стал зачитывать протокол:

– Пациентка Анна Мелия, 29 лет. Обратилась ко мне с жалобой на уплотнение в груди...

В окно нещадно било наглое майское солнце, заливая маленькую комнату своим теплом и светом. Где-то на улице ехали машины, разговаривали люди, создавая монотонный и убаюкивающий гул города. Все было так привычно и обыденно, и даже лица всех этих врачей казались мне какими-то знакомыми, как будто всё это уже было со мной не раз. Заурядный обычный день.

Один врач невысокого роста и крепкого телосложения, с широкой золотой цепью на шее, похожий на местного уголовного авторитета, встал со своего места, подошел и сказал:

– Раздевайтесь.

Я, еще не привыкшая стоять раздетой перед таким количеством народу, замешкалась. Миша тоже растерялся. Мы вдвоем, покрасневшие, пытались снять с меня одежду. Отекшая, заклеенная лейкопластырями грудь нестерпимо болела.

Авторитет действительно оказался тут главным по своему профилю: на тот момент он был заведующим хирургического маммологического отделения. Быстро осмотрел грудь, пощупал подмышки, шею.

– У вас рак. Вторая или третья стадия, – от яркого солнечного света и духоты все вокруг стало плотным, ватным, глухим. Мне вдруг нестерпимо захотелось спать, я еле собралась с мыслями и спросила:

– Какой рак? Я не болею! У меня хорошие анализы! Я вообще чувствую себя отлично, мне надо только вылечить грудь и всё.

– Лично я готов поспорить, что не ошибаюсь. Даю сто процентов... Биопсию сделала? Ждем результаты и можем сразу оперировать. Мы удалим тебе грудь, вставим туда экспандер (он будет растягивать кожу), потом поменяем его на имплант. Если вы готовы оплатить материалы, проблем не будет. Если денег нет, то будете ждать квоту, а это несколько недель по срокам.

Авторитет говорил быстро и без запинки. Было понятно, что я далеко не первая стояла перед ним с таким глупым от неожиданности лицом.

– Решайтесь на операцию. Если вы согласны, то мы смо-

жем сразу, хоть на следующей неделе ее сделать.

– Так я на море уезжаю через несколько дней...

– Какое море, девочка? У тебя рак! Операция, потом химия. У нас народу столько, что церемониться некогда. Я ситуацию объяснил понятно? Дальше решать вам.

Мы вышли в коридор. Очередь по-прежнему вибрировала в своей меланхолической тональности, воздух казался липким и тягучим. Дышать было нечем. Кое-как пробравшись через толпу, мы вышли на улицу. Сели в машину. Ощущение спазма в легких всё еще не проходило. Оно пройдет нескоро. А тогда мы молча поехали домой, боясь даже друг с другом говорить об этом.

Когда я увидела детей и няню, то отчаянно заплакала. Самый жуткий кошмар – осознавать, что мои маленькие дети могут остаться без мамы. Я пыталась взять себя в руки, кому-то звонить, что-то читать в интернете – всё словно на полувздохе. И сквозь это скомканное, обрывочное дыхание я принялась собирать первые сведения о том, в какую историю попала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой появляется новый важный герой – надежда

Итак, у меня рак (затяжное рыдание, тяжелое до головной боли). Что это за болезнь-то такая? Как она связана со мной? Как лечиться? Куда бежать?

Я никогда не болела ничем серьезным. В детстве, конечно, были и простуды, и ангины, и прочие мелкие неприятности. Но вот уже много лет я поддерживала прекрасную форму. Стойко переносила вирусы, не давая себе расслабляться. Всех, кто брал больничный больше, чем на три дня, я всерьез считала слабаками и симулянтами. Гордилась выносливостью и стрессоустойчивостью. Позволяла себе сверхнагрузки. Бегала с работы на спорт, со спорта – по магазинам, загружала пакеты с едой, мчалась за детьми, готовила есть, убирала дом. Успевала собирать гостей, накрывать столы, вселиться. Такая несгибаемая, решительная, сильная. И вдруг рак? Как при моем отличном иммунитете это могло вообще произойти? У меня это не укладывалось в голове. Я ещё не раз вернусь к этому большому вопросу, а пока мне предстояло решить более насущный.

Лечиться у Морского волка и Авторитета я не хотела. Упрямое и колючее чувство внутри шептало, что они могут чего-то не знать, упустить, просмотреть – еще бы, столько народу в больнице. Я решила найти дополнительное мнение – независимое и более надежное. Села читать форумы, искать отзывы, опрашивать знакомых. Запутанные поиски привели меня на сайт питерского НИИ онкологии с платным приемом для иногородних пациентов. Я позвонила, меня записали на прием к заведующему уже через несколько дней. Ровно столько требовалось на сборы и дорогу.

Надежда не оставляла меня... она стала моим главным союзником и разочарованием. Я буду еще не раз замирать в самых отчаянных, трудных моментах. И прислушиваться: «Где ты, ну где же, родная? Ты так нужна мне!». Порой я видела себя канатоходцем, что шел наощупь на бесконечной высоте, балансируя на сильном ветру. Я пыталась ухватиться руками за воздух, пробудить инстинкты, вспомнить ощущение устойчивости – ничего не выходило. И вдруг маленьким бледным огоньком где-то вдаль загорался фонарик. Я всем своим телом, напуганной душой понимала, что спасение там, надо только медленно, шаг за шагом, не останавливаясь, идти вперед. Двигалась по еле заметному канату навстречу этому огоньку. Когда трудный путь оставался позади, я видела, что справилась, осталась жива, а рука тянулась к спасительному свечению. И вдруг проваливалась в светящееся пятно.

Оптический обман. Жалкая иллюзия, плод моего воображения. Не свет вовсе, а какая-то старая металлическая крышка, поблескивающая на солнце. До нее можно было дотронуться. Да, обычная, заржавевшая, никому не нужная крышка. К которой я столько шла. Которая, получается, меня и спасла.

Надежда. Я старалась верить, что эта история окажется стечением каких-то абсурдных обстоятельств. Придут результаты биопсии, я буду плакать и хохотать, до конца жизни вспоминая, как лихо разыграла меня судьба. Буду жить дальше. Как прежде – на полную катушку. Любить детей, целовать мужа, ещё сильнее ценить мгновения счастливой жизни.

Договорившись забрать результаты биопсии прямо перед отъездом, я всё ещё надеялась в последний момент отменить поездку в Петербург и улететь на море. Потом я всё-таки поеду на море. Спустя пару месяцев, налегке. Без волос, без сомнений в серьезном диагнозе. И без надежды выпутаться из этой истории по-быстрому.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой мы прогуляемся по моему биополю

Поезд в Петербург отходил через пару дней. Были собраны вещи, подняты на уши все знакомые, которые так или иначе сталкивались с онкологией, выслушаны десятки мнений. Рекомендации были настолько разными по сути и содержанию, что мне казалось, будто моя голова стала походить на голову Страшилы Мудрого, набитую иголками и шпильками.

Больше всего теперь я боялась ошибиться в постановке диагноза, так как начиталась историй, в которых из-за неправильной диагностики все дальнейшее лечение складывалось неверно. Близкие друзья, которые поддерживали меня и переживали, посоветовали сходить к Петру Львовичу. С их слов, это был непризнанный гений, антагонист современной классической медицины, убежденный сторонник теории заговора крупнейших фармацевтических компаний против человечества. Говорили, он настолько близко подобрался к разгадке, к возможности лечить любую болезнь на уровне биополя, что стал представлять реальную угрозу для лидеров фармацевтического рынка, в итоге был изгнан из научного сообщества.

И вот теперь, в небольшом кабинете Петр Львович вместе с супругой вел консультации и лечил. Точнее спасал, ставил людей на ноги, вытаскивал с того света – тут мнения расходились в зависимости от количества купленных услуг. Прием стоил дорого, пожалуй, ни один врач в небольшом российском городе не брал столько за разовую консультацию.

Я постучалась в кабинет. Дверь открыл немолодой щуплый мужчина с зорким и цепким взглядом. Он уже знал из телефонного разговора, какой серьезный диагноз мне ставят, и согласился на быструю встречу. Заполнив анкету, собрав первоначальные данные, он приступил к главному – выяснять, каким образом мое биополе дало брешь.

Я села на простой стул перед стареньким компьютером, к которому присоединялась камера, похожая на обычную веб-камеру. Петр Львович, заметив мой недоверчивый взгляд, гордо сообщил, что его оборудование стоит не один миллион долларов. Вскоре я поняла, что быстро мы не закончим: современное дорогостоящее оборудование работало очень медленно. Стекланный глаз камеры словно пытался заглянуть мне прямо в душу (путь туда, как известно, неблизкий) и вытащить на поверхность все сокровенные тайны. Даже не мои, а моего биополя.

Происходил «анализ биополя» примерно так: на экране

появлялась картинка, похожая на детскую игру, состоящая из белых точек. Далее по этим бесконечным рядам точек ездил указатель и окрашивал их в разные цвета: зеленый – признак здоровья и целостности клеток, черный – плохо дело, дыры в карме, но Петр Львович, конечно, придет на помощь и все залатает.

Сканирование клеток продолжалось несколько часов. Петр Львович ориентировал меня на четыре-пять, но уже на втором часу я тихонько завyla и попросила не сканировать хотя бы ноги. Стекланный глаз сверлил меня строгим взором и упорно красил клеточки только зеленым. Он окрасил зеленым всю голову, плечи и руки, живот, все внутренние органы. Но что самое интересное – и мою грудь. Тут Петр Львович не выдержал, прервал сеанс и попросил меня раздеться, чтобы своими собственными глазами увидеть, есть ли проблемы или я сама себе их придумала.

Я разделась. Вид моей покрасневшей, отекающей груди говорил сам за себя. Петр Львович сконфуженно хмыкнул и усадил исследовать грудь по второму кругу. Долго зеленые точки одна за другой поглощали экран. Я даже попыталась шутить, что, мол, с таким зеленым биополем возьмут в любую армию мира, но Петру Львовичу было не до смеха. Он не понимал, почему аппарат не видит очевидного. Что-то нажимал, настраивал, подкручивал, но зеленое поле только

мелькало бликами на стареньком экране компьютера.

И вдруг одна точка не закрасилась. Еле заметным черным пятнышком она мигала посреди этого зеленого раздолья, как будто говоря: «вот она я, искали?». Петр Львович аж подпрыгнул на стуле от радости, и все приговаривал:

– Говорю же, видит он все, видит! – ткнул в черную точку мышкой, компьютер стал обрабатывать ее и наконец выдал диагноз: «Т-клеточная лимфома кожи».

И у меня, и у Петра Львовича был такой растерянный вид! Если бы компьютеры умели краснеть, то старенький монитор с системным блоком точно бы сгорели со стыда. Однако Петр Львович быстро взял себя в руки и авторитетно заявил, что диагноз «рак груди» мне, конечно, шьют ошибочно. По хорошему, нужно проверить лимфоузлы, сдать кровь и сходиться к дерматологу. Я, уставшая и перепуганная, ответила, что поеду в Петербург и проконсультируюсь там.

Вреда от Петра Львовича было не больше, чем пользы: разубеждать не стал, свое мнение сильно не навязывал и даже денег не взял. В виде исключения. Ведь он же понимал: Т-клеточная лимфома кожи – штука сложная, денег понадобится на лечение немало. На том и расстались. Уже на следующий день я отправилась в Санкт-Петербургский НИИ он-

КОЛОГИИ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой я встречаюсь с королем и его свитой

Заведующий Вадим Сергеевич был чрезвычайно хорош собой. Особенно с его точки зрения. Самолюбование, самообожание читалось во всём. В идеально подстриженных волосах и чуть тронутых сединой усах. В хорошо обставленном просторном кабинете. В начищенных до блеска дорогих ботинках. И даже в деле, которому он решил посвятить свою жизнь – хирургии и онкологии. Прибыльные и перспективные области в медицине! Это вам не детей принимать в районной поликлинике.

Вадим Сергеевич настолько любил себя, что работал не покладая рук. Ему нравилось быть заведующим крупного отделения, нравились толпы ожидающих пациенток. Ведь он был нарасхват, почитаем и востребован. Даже в его искреннем желании сделать отделение лучше, современнее, уютнее – всюду проскальзывала нотка самодовольства. Вот, мол, талантлив во всем: и за операционным столом, и в делах хозяйственных.

Я вошла в кабинет после двухчасового ожидания и сразу попала под его холодное обаяние. Есть такой типаж людей, которые, обладая природной харизмой, пользуются ей

так умело, помалу, что окружающие как-то незаметно впадают в зависимость от неожиданного теплого слова или сдержанной улыбки. Уверенный в себе, точный в формулировках, с горделиво приподнятой головой, он вызывал желание подобострастно опустить глаза и выдохнуть: «Да, Ваше Величество».

– Об операции и речи идти не может! Опухоль большая и расположена близко к коже. Вероятность рецидива слишком велика. Сначала надо пройти химиотерапию, посмотреть на отклик и только потом принимать решение об операции. – «Да, Ваше Величество» – про себя, а вслух: – Вы меня вылечите?

– Рак не лечится. Единственное, что мы вам можем предложить – пройти химиотерапию и сделать операцию. Грудь мы вам восстановим, это делать мы умеем. Химиотерапия будет стоить столько-то, – он называет сумму, от которой хочется сразу заказать гроб и отпевание. – Вам понадобится четыре курса до операции. Откладывать лечение не советую, опухоль слишком большая.

– Я... я согласна начинать.

Ваше Величество тут же кому-то позвонил искомандовал заняться новой пациенткой. Моментально взял в оборот.

Вспоминая его, я в каждом слове и действии вижу жесткий прагматизм и холодный расчет. Молодая пациентка – такие жить хотят, если надо, и денег найдут, и пластику груди, конечно, будут просить. Опять-таки, повод продемонстрировать коллегам свое мастерство.

Но тогда вся эта гигантская конструкция института из блоков, корпусов, отделений, тысячи людей в коридорах, титулованных врачей показалась мне такой внушительной и надежной, что я доверилась. Вот только то упрямое и колючее, что, казалось, надолго поселилось в моей душе, снова давало о себе знать. Давило, когда я вновь видела холодную дежурную улыбку Вашего Величества, слышала его ответы, отстраненные, полные сарказма и только ему одному понятного смысла. Но я старалась отгонять сомнения. Я была так напугана и так нуждалась в спасителе, что готова была близоруко щуриться и чуть ли не закрывать глаза, чтобы случайно не разглядеть чего-нибудь лишнего.

Дверь кабинета распахнулась. На зов босса пришел молодой врач Дмитрий Владимирович Карманов. Высокий, широкоплечий, с охапкой густых каштановых волос и яркими карими глазами – мечта, а не врач! С такой внешностью он мог смело работать кем угодно, все было бы к лицу: загорелый по пояс рабочий на стройке, одетый в стильный деловой костюм директор завода, улыбающийся очаровательный ка-

питан самолета. Из этого великолепия Дмитрий Владимирович выбрал профессию врача-онколога. Медицинская униформа эффектно сидела на его стройной фигуре. Надетый халат вызывал в пациентках доверие и признание, выгодно оттеняя стать и рост. На фотографии, наклеенной на стенде у входа в отделение, Дмитрий Владимирович так залихватски улыбался, что прозвище приклеилось моментально – Красавчик.

Красавчик повел меня по хитросплетению коридоров института, на ходу диктуя план действий:

– Сначала отнесете блоки с биопсией в лабораторию. Закажете иммуногистохимию, она покажет статус опухоли. Сделаете компьютерную томографию грудной клетки, органов брюшной полости и сцинтиграфию скелета. Когда будут готовы результаты, то позвоните, и Вадим Сергеевич назначит лечение.

Я, еле поспевая за ним, пыталась запомнить распоряжения. А когда вышла на улицу, всё смешалось в голове и я в растерянности остановилась. Погода в Петербурге стояла удивительная. Мягкое солнце щедро заливало парковку, дорогу к приемному покою и десятки тропинок. Легкий ветерок как бы невзначай касался моих волос и замирал. Я бродила между корпусами, разбросанными по большой живописной территории с прудом и парком, и находила в себе

столько ощущения жизни!

Пазл упорно не складывался. Такой доброжелательный мир вокруг и коварный часовой механизм внутри совершенно не хотели уживаться вместе. Куда правдоподобнее бы сейчас оказалась буря, затяжной дождь с молнией и раскатами грома. Но мир подыгрывать не собирался. Напротив, он сочно осыпал меня своими прелестями, дразня и играя. Мол, это всё мое и останется моим, даже если не будет тебя. Я такой великий, а ты такая маленькая, куда тебе тягаться?

Однако мир, видимо, еще не знал, что в голове моей уже зародилась мысль. Робкая, неокрепшая, она пустила ростки и вгрызлась в меня крепкими корнями: я буду бороться до последнего. Я не сдамся. Какие бы партии этот мир не разыгрывал со мной, пусть даже не рассчитывает на быструю победу.

Заезжая в тоннель монотонно гудящего компьютерного томографа, в слезах уговаривая отстраненную женщину в регистратуре записать меня на ближайшие числа на сцинтиграфию, подолгу изучая грустные истории болезни на онкологических форумах, я держалась за эту спасительную мысль. Я выживу, чего бы это ни стоило.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, наполненная пузырьками, капельницами и таблетками

– Метастазы в других органах на обследованиях не обнаружены. Это хорошо. Но все же надо делать неадьювантную – предоперационную – химиотерапию. В отделении этого препарата нет, придется покупать. Стоимость я вам уже называл. У вас есть деньги на курс? – дежурным голосом спросил Ваше Величество.

– А еще есть какие-то варианты?

– Ну... можем попробовать еще одну схему, там будет двенадцать еженедельных курсов. Кстати, переносится легче. У нас есть в наличии.

– А вы что советуете выбрать?

– Да выбирайте, что хотите.

Протоколы, исследования, мировые стандарты – оставим это странам, в которых медицина важнее военной политики. В питерском НИИ онкологии образца 2013 года (как и, пожа-

луй, в любом другом российском медицинском учреждении) чаще всего стратегия лечения опиралась на финансовые возможности пациента или наличие доступных льготных препаратов. Поэтому и вопрос, какую мне выбрать схему, решил сам собой. Потратить огромную сумму на несколько курсов терапии казалось чем-то неправдоподобным. Посоветовавшись с Мишей, мы решили остановиться на втором варианте.

Я шла по коридору с Красавчиком и задавала один вопрос за другим:

– А выпадут ли у меня волосы? – первое и главное, что в тот момент меня волновало.

– Не факт, иногда при этой терапии волосы у пациенток сохраняются. – Мимо нас прошла абсолютно лысая девушка с лишенным привычных штрихов лицом.

– А брови? Брови и ресницы тоже могут выпасть?

– Могут, но тоже не всегда.

– А тошнить меня будет? Говорят, от химиотерапии очень тошнит.

– Мы сделаем премедикацию. Я дам список лекарств, которые нужно купить, постараемся свести на нет неприятные побочные действия.

– А когда начнем?

– Да хоть завтра. Я сейчас оформлю, завтра в отделении прокапаем.

В палату, освещенную чуть тоскливым питерским дневным светом, завезли стойку для капельниц. Я несколько часов ждала своей очереди. Томительное ожидание иногда может сыграть на руку. Я так устала бояться, что смотрела на прозрачные флаконы уже скорее с любопытством, чем со страхом или тревогой. В мою тонкую вену, что просвечивала сквозь кожу, воткнули иголку и заклеили пластырем. Что-то подкрутили в капельнице, по равномерно падающим каплям я поняла, что лекарство уже частично находится внутри меня. Капля за каплей, минута за минутой – терапия потянулась бесконечной вереницей капельниц, анализов, уколов и таблеток.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, доверху забитая болью и отчаянием

Ездить в Петербург каждую неделю оказалось тяжело и я продолжила терапию у себя дома в местном онкодиспансере. Каждую неделю я ложилась на неудобные кушетки, доставала книгу и терпеливо ждала. Больницы и палаты резко ворвались в мою жизнь и прочно в ней обосновались.

Поначалу я испуганно озиралась – столько боли вокруг! Живя в мире здоровых людей, я видела боль как явление малозначимое, несерьезное, легкое в управлении. Болит? Выпей таблетку, проблем-то. А если сильно болит, как во время родов, например, то потерпи. Собери волю в кулак, потом будешь наслаждаться результатом.

Я считала, что за терпением всегда следует вознаграждение. Что боль – это друг и союзник, который заботливо сигнализирует о возникшей в теле проблеме. Что с ней всегда можно договориться, получить отсрочку, отодвинуть на задний план. Здесь же, наблюдая страдания в самом концентрированном виде, слыша отовсюду стоны, я с ужасом осознала, что в таком мире понятные мне схемы и уравнения не работают совсем.

Если ад и размещал свои филиалы на земле, то самые успешные из них, безусловно, располагались в таких районных диспансерах, как наш. Единожды там оказавшись, вы хотели навсегда забыть и эти изматывающие очереди, и усталость врачей, и собственную растерянность при виде безликих кабинетов, которые необходимо штурмовать. Поэтому большинство пациентов тянули до последнего, чтобы избежать нового визита. А визиты – как правило, пропитанные безысходностью и отчаянием – порождали местных демонов и призраков.

Хосписа в районе не было, процедура выдачи сильных обезболивающих оказалась нудной, громоздкой и многоступенчатой. Пациенты, которым боль не давала никакого спуска, были вынуждены сидеть в коридорах и ждать своей очереди. Они сквозь слезы умоляли толпу пропустить их, но усталость, желание как можно скорее убраться отсюда и страх не попасть к врачу не особо способствовали сплочению и сочувствию.

Боль, что ломала кости, выжигала внутренности, забиралась в мозг, помноженная на страх и обиду – здесь давала волю крикам, стонам и угрозам. То тут, то там по коридору вспыхивали скандалы, отовсюду слышалась ругань. Казалось, брось зажженную спичку в этот накачанный негативом воздух, как мгновенно бабахнет похлеще ядерного взрыва.

И уже были видны первые жертвы.

Однажды, устав стоять в регистратуру, я хотела присесть на почему-то незанятые кресла, пустовал целый ряд. Но меня тут же одернули: «Не садись, час назад прямо на них мужчина умер, только увезли...». Тут горе и страдания были настолько обнаженными и настоящими, что меня охватывал панический ужас. Так было в самом начале. А потом я и к этому умудрилась привыкнуть...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, из которой мы узнаем, как вылечить рак

Жизнь районного онкодиспансера подчинялась своим странным законам. Главврач, его замы и заведующие отделений появлялись в коридорах редко. Об их приходе узнавали заранее. Шумная толпа санитарок пробегалась по палатам дневного отделения, сбрасывала пакеты с подоконников, проверяла наличие бахил на ногах пациентов. За несоблюдение этих правил, видимо, наказывали. А вот многочасовые очереди в ожидании свободных коек и ругань медсестер, казалось, никого не смущали. Каждый, кто попадал в это здание, моментально становился заложником обстоятельств, созданных кем-то наверху. Кем-то, кто, казалось, даже не представлял себе, как именно тут все устроено.

Ни одно дело не решалось легко и просто. Анализы крови, осмотр врача, доступ к химиотерапии – всё было сложной, многоступенчатой задачей. Из кабинета в кабинет пациенты двигались медленно, с пересадками в коридоре, пока, наконец, не добирались с заветным направлением до палаты, где встречали очередное препятствие – отсутствие свободных мест. И снова проваливались в очередь таких же пациентов – уставших, издерганных длительным ожиданием и страхом не успеть сделать «химию». Кому-то надо было бежать

на автобус. Кому-то – отпустить, наконец, родственников, которые пришли поддержать во время процедуры, а вместо этого застряли сплоченной кучкой на одном стуле в коридоре.

Повсюду стоял гул жалоб, монотонного обсуждения стадий, операций, врачей и размеров благодарности им. Нигде больше вы не услышите такого количества рецептов борьбы с побочными действиями от химиотерапии. Более того, нигде вы не узнаете такого количества способов борьбы с раком, как в очереди онкологических больных.

– Соду пьете? – упрямо спрашивает лысая женщина в тоненьком платочке на голове. – Соду нужно ежедневно натощак по ложке. И в ванну еще добавлять и лежать, лежать. Ощелачивать организм надо, ведь рак – это грибок!

– Да какой грибок? Вы меньше читайте журналов. У меня вот муж раком желудка болел, я за ним ухаживала, мыла, убирала, он лежачий больной был. И вот похоронила. А теперь у меня тот же диагноз. Как вы это объясните, а? Какой тут грибок? Что бы ни говорили, я думаю, это вирус, и передается он при таком вот близком контакте...

– Это все от экологии. Раньше такого не было, а сейчас, поглядите, и старые, и молодые, и дети! Едим химию, дышим

химией, ничего натурального же не осталось.

– Знаете, одна женщина полностью убрала из еды все молочное и выздоровела! Говорит, метастазы ушли, как не было, и это даже без химии!

– Скажете тоже. Как же без молока и творога? А кальций откуда брать? Костям-то нужно. Вот мясо да, мясо лучше не есть. Я в газете читала, что чем-то его таким обрабатывают, от чего рак появляется.

– Ну как тут мясо не есть? Когда после химии тошнит, и еле ходишь, зеленый весь, кровь падает. А врач ругает, говорит бросать эти глупости, есть надо, чтобы силы были. Я вот теперь всегда с собой то пирожок, то бутерброд ношу. Если совсем без еды, то откуда силам браться?

Наконец подходила долгожданная очередь, и можно было ложиться на занятое пару часов назад место. И снова ждать, пока у бегущей между кабинетами медсестры появится свободное время. Иногда везло и она подходила почти сразу, иногда приходилось, смущаясь и краснея, кричать на весь коридор: «В четвертую палату зайдите, пожалуйста», получив в ответ усталое: «Да знаю, знаю». Вставать и напоминать о себе было опасно: место могли занять, а сил на споры уже не оставалось. Подходила медсестра, ставила

капельницу, вводила один за другим препараты. Противорвотное, противоаллергическое... Веки становились колючими и тяжелыми, хотелось их поскорее закрыть. Сознание плыло по тихой спокойной реке, как брошенный без призора плот, то задевая воспоминания о сегодняшнем дне, то наталкиваясь на мысли о делах: после больницы заехать в магазин, забрать детей из садика, приготовить ужин.

На соседних койках так и не прерывался разговор о главном:

– Болиголов пробовали? Говорят, хорошо помогает. Мне соседка по палате телефон натуропата хорошего дала, правда, берет дорого.

– Да вы лучше бы пособороваться сходили. Всем больным рекомендуется для отпущения грехов. Я теперь каждый месяц собираюсь.

– А мне одна женщина в очереди рассказала секретную маску. Говорит, от нее волосы не выпадают. Вот честное слово, своими бы глазами не увидела ее, не поверила бы. Ходит из раза в раз. Мои уже все выпали, а у нее как будто даже больше стало. Записывайте рецепт...

К этому моменту я переставала что-либо анализировать,

удивляться разговорам. Впадала в легкий транс где-то между реальностью и сном. И отчетливо чувствовала одно: вера человека воистину безгранична и многогранна. Здесь это ощущалось особенно остро.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой мы коснемся сложной дилеммы

Кто-то черпал знания из общения с коллегами по несчастью в диспансере. Но я больше доверяла интернету. Список часто посещаемых сайтов в моем браузере резко изменился. Меня больше не интересовали детское воспитание (теперь стало неважно как, главное – воспитать самой), кулинария, соцсети, сериалы и кино. Зато ресурсы на тему онкологических заболеваний я штудировала ежедневно. Тут публика была искушенная, опытная и начитанная. Вместо рецептов самоизлечения обсуждали плюсы и минусы лечения за границей, новейшие препараты и протоколы, детали диагнозов, коэффициенты агрессивности опухолей. Уже скоро я неплохо разбиралась в разновидностях рака молочной железы и развлекалась тем, что сама консультировала женщин в очередях диспансера.

Пожалуй, самая обсуждаемая тема на онкофорумах была «Где лечиться: здесь или там». Дебаты шли жаркие. Те, у кого была возможность лечиться за границей, уезжали. Другие оставались проходить лечение дома. И среди тех, и среди других находились люди думающие, внимательные к чу-

жой ситуации. Они не шли на конфликт и все чаще в комментариях склонялись к простой, но точной фразе – «каждый выбирает то, что ему подходит». Однако были и те, которым не давало покоя такое положение вещей. Они набрасывались в комментариях на противоположный лагерь и бились насмерть.

– Да о чем вы говорите? Мы отстаем лет на десять от Европы и Америки! У нас же даже бинты не всегда в больницах есть, а вы решили тут онкологию вылечить. Да вам в лучшем случае назначат дешевую российскую химию и отрежут все, что можно. Это просто рулетка, повезет или не повезет.

– Неправда! И у нас есть прекрасные врачи, которые душой болеют за свое дело. Ездят на симпозиумы, участвуют в конференциях. И протоколы у нас современные, и лекарства хорошие. А из вас там деньги высасывают: то же лечение продают втридорога, а вы покупаетесь на сервис!

– Да при чем тут сервис? Там же даже отношение другое! Тут мы пришли на комиссию, а нас сразу списали. Мол, жить осталось три месяца, вот что хотите, то и делайте. А там за нас взялись, лечимся уже который год и помирать не собираемся!

– Это вы не собираетесь! А сколько таких, которым на-

обещали жить до глубокой старости, они квартиры продали, все до последнего из дома выгребли, без штанов остались – и ничего не помогло! Всем без разницы! Одним пациентом больше, одним меньше, им лишь бы заработать на нашем горе.

Споры перетекали из темы в тему, из ветки в ветку, так и не найдя истины, как и полагается в таком жанре. Вопрос был серьезным, аргументы сторон – довольно убедительными. Внутри меня поселилось сомнение.

Действительно, как быть? Что выбрать? С одной стороны, на каждом шагу гремели истории чудовищных врачебных ошибок, затруднительного положения с медикаментами. Но это был вопрос к системе. Ведь я видела внутри этой системы обычных людей – врачей, медсестер. Они были живыми, настоящими, местами сопереживающими, местами задерганными, но точно не злыми.

И я отмахивалась от внутренних сомнений. Отмахивалась, когда никак не могла успокоиться: как может маммолог вовремя не разглядеть такой важный диагноз? Отмахивалась, когда поняла, что в родном городе меня готовы были тут же оперировать, а, оказывается, делать этого было нельзя. Отмахивалась, когда получила результаты биопсии и самостоятельно разобралась в заключении. Выяснилось, что

мой тип опухоли совершенно нечувствителен к гормонам, а значит, гормональная терапия мне не светит. Опухоль отличилась гиперэкспрессией белка, что сделало ее агрессивной. Именно из-за этого бешеного, яростного белка уплотнение в груди за пару месяцев выросло в несколько раз. Именно из-за него такая разновидность рака молочной железы имела плохую репутацию и невысокие позиции в рейтинге выживаемости.

Я все еще отмахивалась от молчания врачей на эту тему, но продолжала ее изучать. Оказывается, в первую линию химиотерапии мировые протоколы вот уже несколько лет включают биотерапию – препараты на основе антител, блокирующих развитие агрессивного белка. И это значительно улучшает статистику.

Я написала Красавчику письмо с вопросом: действительно ли надо подключать биотерапию и, если да, то почему мне никто ничего не говорит? Он перезвонил. По голосу я поняла, что случилось что-то серьезное. Серьезное? Да всего-то забыли назначить один из важнейших препаратов, подумаешь. Он сказал, что обсудил мой вопрос с Вашим Величеством, и да, капать его определенно стоит. Где-то к середине курса его впопыхах добавили. А я всё отмахивалась.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, Влажная от слез

В то первое тяжелое время говорить о своей болезни я совершенно не умела. Справедливости ради надо отметить, что я не научилась и потом: чуть что, сразу начинала плакать.

Со слезами у меня всегда были сложные и запутанные отношения. Есть женщины, которые плачут как-то... молча. Их красивые лица лишь немного меняются, появляется грусть и драма на лице, уголки губ опущены, из глаз аккуратно текут слезы. Они смотрят вдаль, подбородок робко дрожит. Потом успокаиваются, промакивают чуть покрасневшие глаза салфеткой и говорят: «Извините, у меня так накопилось, надо было выплеснуть...». Такой деликатный подход к процессу с детства был мне незнаком. Мой сценарий более суров: ровно в одну секунду я принималась выть так, будто деревня собралась оплакивать местного попа. Громко, с всхлипываниями и завыванием, потеряв дар речи. Литры слез делали носовой платок бессмысленным предметом – он насквозь промокал уже в первые минуты. Опухали глаза, напроць закладывало нос, пока я пыталась как-то собраться... любые попытки сказать хоть слово вызывали новую волну рыданий. Только спустя какое-то время я приходила в себя. Красная, опухшая, нос не дышит, глаза зареванные. Пыта-

лась заговорить, все еще всхлипывая и высмаркиваясь.

Такой была моя обычная реакция на простые житейские сложности, будь то напряженный разговор с недовольным клиентом или сюжет по телевизору о брошенной собаке. Стоит ли говорить, что в дни невероятно сложных решений и вопросов без ответов я старалась вообще не обсуждать эту тему. Иначе после любой неловкой фразы, неуместного вопроса начиналось светопреставление с подвыванием и заламыванием рук. Люди так пугались моей реакции, что я сама уходила от разговоров.

Но самым близким друзьям скомкано и нервно я сообщала новости о лечении. В то время я впервые почувствовала, какая пропасть может разделять человека болеющего от остальных. Здоровых. Как-то мне позвонила подруга.

– Анютка, сейчас нужны все силы. Надо собраться, моя милая. Самое время пересмотреть свою жизнь!

Я горько усмехнулась. Чего пересматривать? Такая обычная, простая жизнь. Допустим, ссорюсь иногда с мужем – характеры у обоих вспыльчивые, терпения не хватает. Ну, так же все живут. Обожаю своих детей – вот где источник оптимизма и бодрости. С ними болеть некогда, из больницы сразу на детскую площадку. Вот тебе и смена обстановки,

и свежий воздух. Меня любят и ценят на работе: улыбчива, легка в общении, умею увлечь команду. Я словно история из глянцевого журнала со своими, конечно, сложностями, плохим настроением... но в целом менять-то было нечего.

Я была решительно всем довольна. И все про себя знала: нрав веселый, мысли позитивные, настроение отличное. Даже сейчас, в такой сложной ситуации, я справлялась. Более того, была на высоте! Вот новые шпильки изумительно-оранжевого цвета. Я крашу блеском губы и иду в онкодиспансер. Видите? Меня так просто не сломать.

Я решила, что буду хорошо выглядеть назло обстоятельствам. Потому что не собираюсь посвящать свою жизнь болезни. Так что подруге я отвечаю единственным возможным образом:

– Ага. Поеду в Тибет, дам обет молчания и, может быть, наконец-то на меня снизойдет, как неправильно я живу и почему же небеса решили меня покарать.

Ещё будет столько таких разговоров. Я отточу свой сарказм до блеска, с первых слов научусь понимать, куда дует ветер, чтобы парировать колко и больно.

Но где-то глубоко внутри вопрос застрянет неудобным

крючком. Оставшись наедине с собой, в своих молитвах, ночных раздумьях, сняв маску усмешки и всезнания, я буду осторожно щупать эту новую мысль. Где-то на самом дне души, где только зарождаются чувства, шелушащимся пятнышком засвербило нервное и беспокойное чувство вины. Не было у него ни внятного анамнеза, ни выраженной угрозы для жизни, но оно стало постоянно зудеть и задевать здоровые ткани по соседству. Ворочаясь в кровати, я все думала: почему я заболела? Ведь по какой-то причине это случилось именно со мной. Значит, надо найти, отыскать эту причину – и постараться исправить ее.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, после которой волос на моей голове уже не останется

В том году осень для меня наступила где-то в середине июля. Волосы стали выпадать не сразу. В этом был огромный плюс: можно было подготовиться к тяжелому расставанию. И коварный минус: каждое движение головы сопровождалось падением безжизненных прядей. Волосы были повсюду: на одежде, расческе, подушке, полу, в руках детей, которые хотели просто обнять маму. Кожа головы зудела, чесалась... и как же тоскливо было ее чесать! Я наглядно поняла, какие у меня густые волосы – сыплются, сыплются, а все никак не закончатся. В итоге мы с Мишей поехали за париком на машине. Открыла окно, подул ветер – с моей головы упало ещё несколько прядей волос.

Я хорошо держалась в салоне париков. Хохотала, разглядывая себя в шапочке-сетке в зеркале. Хохмила, примеряя перед мужем нечто пепельное, манящее в непристойные приключения. Болтала с консультантом, обсуждая уход за новой прической. Веселилась, превращаясь в неожиданную блондинку, загадочную шатенку, привычную брюнетку. Пока, наконец, не выбрала ухоженный парик с длинными

каштановыми волосами. Без челки, синтетического блеска и четкой формы. Почти как настоящий.

– Если вы хотите, мы можем сразу вас и подстричь.

Я застыла: как? зачем? Да, волос осталось мало, выглядят они крайне печально. Но пока ещё есть! А это значит, что есть убежище, пусть временное, где можно спрятаться от нового этапа, в который я так упорно не хотела шагать.

– Вам станет гораздо легче, вот увидите. Кожа головы перестанет зудеть. Парик будет держаться лучше. Давайте! Мы все сделаем аккуратно.

Испуганная, я задумалась. Черт побери, действительно, сколько можно собирать пряди волос с подушек? И куда я пойду стричься? К своему мастеру, который никогда меня короче каре не стриг?

Решилась. Отправила Мишу прогуляться, попросила развернуть меня от зеркала, чтобы не быть свидетельницей печального расставания. Спустя несколько минут дело было сделано. Мягко развернули кресло. Сказали, что уже можно смотреть. Я открыла глаза, и крик, глухой, тоскливый, застыл в тишине салона. Из зеркала на меня смотрела напуганная, жалкая, некрасивая, к тому же лысая женщина. Я

не узнавала себя. Более того, незнакомая женщина была мне неприятна. Я не видела ни стойкости, ни характера, ни харизмы, в которых была уверена всю свою жизнь. Только бесконечные боль и горе.

Раньше времени вернулся муж. Я увидела в зеркале его растерянное лицо и зарыдала навзрыд. Без волос это была уже совсем другая я.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой я объявляю войну

В период своего первого расставания с волосами я страдала тяжело и безнадежно. Жаркое летнее солнце светило всюю, а я ходила, спрятавшись под париком..

Никогда прежде бритая налысо голова не представлялась мне такой проблемой. На работе, в коллективе талантливых и креативных дизайнеров смелые и даже вызывающие стрижки были обычным делом. Практически каждый время от времени красил волосы в дикие цвета, выбривал виски или брился налысо, делал татуировки и пирсинг. Я всегда восхищалась и поддерживала эту внутреннюю свободу. Да и сама была то с огненно-красной шевелюрой, то с дредами. Но сейчас я просыпалась по ночам от жутких кошмаров, в которых парик спадал с меня в присутствии окружающих и люди с жалостью смотрели на меня. Я больше не могла выдавать лысую голову за стиль, стеб или провокацию. Теперь я видела в ней только клеймо болезни, которая бьет наотмашь, выискивая слабые места.

Отсутствие волос стало для меня очевидным и бесспорным доказательством того, что я больна. Вид ставшей такой маленькой головы и бледного прозрачного лица вгонял меня

в колоссальное отчаяние. Больная, лишенная прежней уверенности в собственном здоровье и привлекательности, я отводила глаза от зеркала. Мне было тяжело видеть, как болезнь издевается надо мной, пытаюсь лишить права выбора.

Я злилась, силилась переступить через себя и выйти на люди с гордо поднятой лысой головой, но не могла. И тогда я решила перейти в атаку. Я надевала парик, красилась, выбирала самые яркие наряды, вызывающие туфли и шла в диспансер. Там на фоне серых стен в отчаянной духоте сидели больные, злые, уставшие люди. Казалось, ко мне стекаются все немногочисленные краски этого унылого места, я примагничиваю к себя все живое и яркое, оставив тоску и страдания другим.

Отделившись таким образом от окружающей действительности, я убеждала саму себя, что не имею к ней никакого отношения. Я – кусочек совершенно другого пазла, лишь по нелепой случайности попавшего в эту коробку. Я тут временно, и все изменится, как только я пройду это испытание. А пока надо потерпеть и поярче накрасить губы.

Болезнь объявила войну, но я решила пойти в наступление. Сметала на своем пути любое проявление сочувствия и жалости, прикладывала колоссальные усилия, чтобы окружающие меня люди не разглядели, не заподозрили, что на са-

мом деле происходит со мной. И надо сказать, в этом деле я весьма преуспела. Большинство знакомых действительно даже не догадывались о том, что волосы на моей голове – чужие, а я тяжело больна. Ощущение собственной ловкости и хитрости было таким волнующе приятным, что я и глазом моргнуть не успела, как плотно подсела на него.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, с запахом моря, шумом вечеринок и привкусом вина

В середине лета, съездив на очередной контроль в Петербург, я спросила у Вашего Величества, можно ли поехать на море. Он согласился. Опухоль в груди заметно уменьшилась, лимфоузел и вовсе перестал прощупываться. Это означало, что химиотерапия работает. Я знала, чувствовала, что верно выбранная стратегия бескомпромиссной войны с раком даст результат! И теперь мне полагалась долгожданная награда – отложенная на неопределенный срок поездка на море.

Я злилась на болезнь не только из-за того, что она вторглась в меня и разрушала мое тело. Меня прямо-таки бесила необходимость подстраиваться, сбавлять обороты, пропускать интересные мероприятия, сидеть в больнице вместо того, чтобы бурно проживать день. Любой сбой в моей программе, сход с дистанции символизировал для меня покушение на смысл жизни. Я отказывалась прозябать в тоске и плохом самочувствии. Активная, энергичная, я всю свою жизнь летела вперед, подчиняя все на своем пути мощной, бьющей через край энергии. И вынужденные паузы, которые

сейчас образовались в моей жизни, вызывали скрипучее раздражение.

Поэтому на море я взяла свое сполна. Заполняла пространство событиями и эмоциями. Днем, под тенью пальм защищаясь от беспощадного солнца, водила детей на море. Вечером в составе большой и шумной компании с друзьями и детьми, шла развлекаться.

Химиотерапию, как и обещал Ваше Величество, я переносила довольно легко. Лежала под капельницей в уютном частном кабинете, пару часов отдыхала, а потом причесывала парик, который от высокой влажности скукоживался до старой поношенной шапки, и бежала на танцы, оставив детей под присмотром бабушки.

Я так ловко научилась загонять страх глубоко внутрь, что он и вовсе перестал меня беспокоить. Новые обстоятельства жизни меня изменили. Теперь я, подобно покорившему Эверест скалолазу, чувствовала в себе колоссальную силу. Я знала, что, если преодолею этот этап в жизни – а в том, что я смогу беспрепятственно это сделать, я даже уже и не сомневалась – мне будет по плечу все. Ведь я – только подумайте! – пережила рак! Стояла на краю, но выстояла. Заглянула смерти в лицо, но сила духа и крепкая уверенность в себе даже при этом непростом знакомстве сыграли в мою пользу.

Я отшлифовала уверенную улыбку и спокойный голос, которым теперь отвечала на вопросы о здоровье. Окружающие восхищались: «Аня, ну сколько в тебе энергии! Никогда не унываешь! Жизнь бурлит, даже не подумала бы, что болеешь! Ты просто молодец!». Вокруг меня по-прежнему было много друзей, которые больше не лезли в душу, а лишь констатировали то, что видят. Да, я настоящий борец и конечно же справлюсь со всеми испытаниями.

В последние дни отпуска, смотря в зеркало, я понимала, что брови и ресницы предательски покидают меня. Но, как опытный строитель, я взялась чинить фасад. Гуще красила глаза, дорисовывала карандашом брови. И снова ловко уморачивалась от побочных действий лечения: ни одна фотография в соцсетях даже косвенно не касалась темы болезни. Отовсюду я смотрела с улыбкой, а четко нарисованные брови и густые волосы превращали меня в обычную девушку. В здоровую девушку.

Наградой за временные неудобства для меня стали очевидные изменения к лучшему, которые я наблюдала день за днем. Тело мое прощалось не только с волосами, но и с опухолью. Грудь вернулась в прежнее состояние. Никаких уплотнений не прощупывалось. Вернувшись с моря, я вновь отправилась в Санкт-Петербург. Меня ждал доволь-

ный Ваше Величество.

– Прекрасно, очень хорошо, – он внимательно осмотрел грудь и подмышки. – Химия сработала отлично! Можно оперировать! Готовься.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой я бы предпочла спать дальше

Как готовиться, я толком и не знала. Это была первая операция в моей жизни. Ко мне в палату зашел анестезиолог и начал расспрашивать о самочувствии, сопутствующих заболеваниях, рассказал, как может подействовать наркоз. Я, убежденная в том, что все будет хорошо, отшучивалась:

– Доктор, вы лучше скажите, а можно мне чего-то особенного добавить в наркоз, чтобы я цветные мультики видела? – на это анестезиолог улыбнулся и ответил.

– Мультиков не обещаю, а вот очень глубокий сон точно будет.

Так и вышло. Правда, прервался этот сон резко и грубо. Словно мощным ударом в грудь...

Перед этим, оказавшись в операционной, я в приподнятом взволнованном настроении с нетерпением ждала начала действия. Ваше Величество что-то рисовал на моем голом теле маркером: не иначе как карту сокровищ, над которой, судя по рисунку, пиратам предстояло как следует попотеть. Затем меня, порядком замерзшую, уложили на операцион-

ный стол, подключили к датчикам и проводам. Вставили катетер в вену. Надо мной загорелась яркая лампа, свет заливал операционную и слепил мне глаза, я прикрыла веки...

И тут этот удар. Будто я упала с огромной высоты, от чего сбилось дыхание и стало нестерпимо больно. Я с трудом открыла глаза.

– Все прошло отлично. Как себя чувствуешь? – Ваше Величество был рядом, но лежала я уже не в операционной, а каком-то холодном, темном коридоре.

– Я... мне очень больно. Всё так болит, – я даже говорить толком не могла от этой чудовищной тяжести в груди.

– Сейчас скажу, чтобы сделали обезболивающее.

Я так и не поняла, как работали обезболивающие, потому что отныне всё болело постоянно. Мне сделали кожесохраниющую мастэктомию, а это означало, что ткани больной груди удалили, оставив только кожу. На их месте разместили экспандер – небольшую надувную подушечку – и он растягивал кожу до размера груди. От экспандера вдоль ребер под кожей тянулся порт. Туда закачивали жидкость, которая постепенно заполняла объем экспандера, увеличивая его. Это был первый этап операции. Второй и завершающий этап с за-

менной экспандера на постоянный имплант был еще впереди. Мне также удалили девять лимфоузлов, в которых могли быть злокачественные клетки.

Я почти не ходила в первые дни после операции. Болело всё: ребра, кожа, легкие, грудь, спина. Каждый вздох сопровождался болью. Малейшее движение и вовсе оглушало. И тогда я запаниковала. Семья осталась дома. Миша занимался детьми, мои родители ему помогали. В Петербурге жила близкая подруга, и когда я поняла, что мне жизненно необходимо чье-то присутствие, подруга тут же приехала.

Никогда до того момента мне не было так мучительно страшно в одиночестве.

Самой сложной была первая ночь после операции. Меня рвало, я корчилась, глухо плакала и стонала. Мне не с чем сравнить постоперационное состояние. В голове я прокручивала рождение своих детей. Тогда было тоже больно и тяжело, но уже спустя пару часов я могла встать и дойти до туалета. На следующий день ходила по коридору, бережно сжимая в руках драгоценный кулечек с новым человечком. Я планировала так же быстро восстановиться после операции. Но оказалась совершенно беспомощна перед парализованной страхом и болью волей.

Я злилась, бунтовала, заставляла себя встать, но тело не слушалось, а прежняя храбрость и вовсе испарилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой умирает человек

Потянулись дни восстановления. Бинты на мне разматывали и заматывали, швы проверяли и обрабатывали, сливали жидкость из дренажных банок. Что-то все время кололи, от чего не становилось легче, лишь все больше синяков появлялось на теле.

Но даже больничное пространство – унылое, тоскливое, наполненное запахами лекарств и болезни – не могло побороть человеческую природу. Людям свойственно сбиваться в группы, строить свою мини-жизнь даже в изолированных условиях. На диванах в фойе сидели женщины, девушки. В платках, в больничных халатах, придерживая свои баночки, они вели одни и те же разговоры.

– А как благодарить будете врача?

– Сколько в конверт положите?

– Почему будет реконструкция?

– А как он вообще, хороший врач? А то я своего со дня операции и не видела...

– Скажите, парик этот где вы покупали? Очень красивый, а я найти никак не могу, вот хожу в шапочке.

Когда боль и шок немного отступили, я влилась в новую жизнь. Вот уже раздавала советы, как лучше рисовать брови на чистом от какой-либо растительности лице. Вот подружилась с девочками из далеких и близких российских городов. Все страхи и проблемы здесь обрели четкие формы: лишь бы не было сложностей после операции, ожогов на лучевой. Сплоченные общей бедой, все пересказывали друг другу истории излечения, и за этими разговорами серьезность болезни вновь стала казаться раздутой и надуманной. Подумаешь, рак, с кем не бывает. У каждой уже имелся не один пример среди знакомых: прошли лечение и счастливо живут вот уже много лет. Поэтому со старых продавленных диванов из уголков фойе все чаще раздавался смех.

А спустя месяц, когда все уже разъехались по домам, обменявшись телефонами и подружившись в соцсетях... я узнала, что Галя – кареглазая, смешливая девочка из соседней палаты, приехавшая откуда-то с Урала – умерла. Я была скорее обескуражена, растеряна, чем напугана. Это было похоже на какую-то полуправду – наподобие той, что мы читаем в газетах. Мол, где-то произошла катастрофа, вот фотографии с места событий, нет оснований не принять этот

факт. Но в то же время сама по себе страшная беда в такой спокойный, прекрасный день казалось какой-то ненастоящей, приукрашенной, нарочито жуткой.

Я словно пробежалась по заголовку: «Галя умерла. Прочитала и остановилась, побоявшись узнать подробности. Я не знала Галину семью, ее двоих детей и мужа, не видела их слез на похоронах. Мне было отчаянно грустно представлять это, поэтому я до конца так и не смогла осознать реальность ее смерти. Говорили, что у нее не выдержало сердце. Было в этом что-то уводящее от сути, от причины, а значит, усыпляющее и успокаивающее. Был человек... и вот его не стало. Остался в чьей-то памяти да на грустных и одиноких страницах в соцсетях.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой вы услышите стук каблуков

В один из дней-близнецов в отделение опухолей молочной железы пришла женщина-волонтер. Ей было около семидесяти. Она была удивительно хороша. Знаете, такая интеллигентная красота жительниц Петербурга в возрасте. Тщательно уложенные седые волосы, какая-то шляпа в руках. Кружевная блузка под хорошо сидящим пиджаком. Легкий макияж, освежающий лицо.

Мы все собрались в фойе, потому как процедуры на сегодня закончились и заняться было решительно нечем. А тут такое развлечение! Знакомство с волонтером какого-то там фонда, но главное – презентация магазина белья. Вопрос, что носить дальше, после радикальных операций, волновал всех. Женщина начала свой рассказ:

– Вас сейчас тут много, и, вы знаете, вам очень повезло. Пятьдесят лет назад, когда я заболела, интернета не было. Но это неважно. Самое страшное было в том, что и болезни такой как будто не было. Когда меня посмотрел врач, он просто сказал: «Грудьотрежем». Зачем, как – ничего не объяснил. Отправил домой. Я шла... и такой ужас напал на меня! Мне даже не сказали, чем именно я болею. Заразно

это или нет. Успею ли я детей вырастить? Я помню, что боялась даже подойти к детям – а вдруг их заражу?

Потом была очень тяжелая операция, лечение на грани жизни и смерти. Как я все это вынесла – не знаю. Всегда одна, без поддержки, только дикий страх и одиночество. И поговорить-то не с кем было: всё боялась, что друзья узнают про мою болезнь и станут избегать членов моей семьи. Но однажды сосед, видя мое состояние, сказал: «А у нас женщина с работы тоже так болела. А сейчас ничего, каждый день по коридору на работе бегают на каблучках».

И знаете что? Эта воображаемая женщина стала для меня лучшей подругой, моим спасением. В самые тяжелые времена я слышала стук ее каблучков по коридору. Мне было бесконечно важно знать, что она где-то ходит, что она вообще существует. Поэтому я решила, что буду сама помогать таким женщинам. Сейчас вы не так нуждаетесь в поддержке, так как вас много и информации вокруг тоже много. Но все равно, как только я представляю, что есть кто-то, похожий на меня, одинокий и отчаянный, сердце болит. И я много лет хожу в это отделение разговаривать со всеми вами. Чтобы вы знали, что вы не одни...

Но главное, что я вам хотела сказать: пожалуйста, любите себя! Любите всей душой, всем сердцем, берегите!

Только это может по-настоящему дать силы в борьбе с болезнью.

И вдруг я, сама от себя этого не ожидая, зло и устало ответила ей:

– Да что вы все с этой любовью заладили? Ну куда еще больше любить и жалеть? Вот меня взять: и люблю, и жалею, а заболела. Какие это вообще дает гарантии? Вы уж меня простите, но есть в этом какое-то высокомерие. Вы как будто обвиняете нас в том, что мы боеем. Мол, недостаточно любили себя! Все любят – и не болеют. А вы недолюбили – и теперь здесь торчите. Какая чушь, честное слово.

Пожилая женщина с серебристыми, аккуратно убранными волосами и старомодного перламутрового оттенка алой помадой на губах достойно выдержала и эту неожиданную выходку, и мой довольно дерзкий взгляд. В ответ же посмотрела так, как смотрят на маленького глупого котенка, с жалостью. Всё во мне, и высоко поднятая голова, и тон, и уверенность в себе, было решительным, твердым и четким. Я была уверена, что главнейшие жизненные уроки уже усвоила. Что болезнь научила меня держать удар, быть стойкой и сильной. Что это, по сути, и есть любовь в ее наивысшем проявлении. Я сражаюсь за себя, иду прямо и не опускаю голову. Разве это не любовь? Разве это не желание жить?

О чем и почему именно об этом говорила та женщина, я пойму не скоро. Да и пойму ли до конца? Но буду часто вспоминать ее. Видимо, так это и устроено: у каждой есть свои каблуки по чужому полу. Моим каблукам оказалось под семьдесят и принадлежали они седой интеллигентной даме-волонтеру из Петербурга.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой я узнаю быстрый и эффективный способ похудеть

Домой я приехала по-прежнему забинтованная. Разрешили снять швы уже в местной больнице. Пришёл ответ из лаборатории: в послеоперационной гистологии раковых клеток не обнаружено. На резком медицинском языке это означало полный патоморфоз, максимальный отклик на химиотерапию. На языке обывателей – болезнь отступила.

И снова я увидела в этом добрый знак и одобрение свыше – значит, все делаю правильно. С головой ушла в круговорот семейных дел. Дети, дом, муж – всё требовало моего внимания и участия. На работе я взяла длительный отпуск. Конечно, коллеги знали о болезни, я чувствовала их смущение, нервничала от застывших в душном офисном воздухе не заданных вопросов, сжималась под сочувствующими взглядами. Это было новое для меня состояние и я никак не могла ужиться в нём. Я хотела только одного: пока я не оставлю все это позади, не заводить разговоров, не дышать и не шевелиться. Поэтому решила временно отстраниться от дел, сократив круг общения до минимума. Тем более что в этот момент решался вопрос о дальнейшей химиотерапии. Новый

протокол в народе называли «красной химией» из-за яркого рубинового цвета раствора. Действие этого коктейля можно бы сравнить с небольшим атомным взрывом. Но не где-то в далекой Хиросиме, а прямо внутри собственного тела.

Я, конечно, еще не забыла, как легко перенесла первую линию химиотерапии. Это убедило меня в собственной непоколебимости. Разумеется, теперь я знала, что есть рак, который в состоянии распространяться в моем теле. Однако столь же отчетливо я понимала, что могу эффективно ему противостоять.

На первую капельницу я приехала в отличном настроении и с кучей планов на дальнейший вечер. Надо было забрать детей с занятий, заскочить в магазин, чтобы потом приготовить на ужин любимую лазанью, пораньше уложить детей спать и досмотреть с мужем сериал. Всё шло по плану, я выпорхнула из кабинета химиотерапии, накачанная красным раствором. Подъехала за детьми, встретила остальных мам, остановилась с ними поболтать. И в этот самый момент я заметила, что картинка в глазах дергается. Словно кто-то тряс изображение внутри моей головы, отчего оно то и дело разлеталось, не выдержав турбулентности. Я от неожиданности занервничала, попыталась присесть, чтобы успокоиться, но мой мозг оккупировали бешеные пляски мыслей и образов.

Препарат оказался настолько тяжелым и разрушительным, что ему было мало опухоли и тела. Он бил прямо внутрь самого сознания, чтобы было окончательно ясно, кто здесь главный. Я спешно попросила подруг забрать детей, кое-как добралась до дома и провалилась в ад. Болезнь. Сколько слабости и немощности в этом слове. Словно оно с трудом выносит само себя. Настолько, что уже и не кажется словом, так, глухое эхо.

Сутками напролет меня рвало. Не помогали никакие таблетки и уколы. Голова разрывалась. Отвращение к лекарству было таким сильным, что рвота казалась не физическим проявлением интоксикации, а душевным состоянием. Меня воротило от еды, питья, шума, разговоров, ожидания сна и тяжелого мутного пробуждения. Не было сил ни на детей, ни на мужа. Мне хотелось только одного: чтобы этот кошмар поскорее закончился. Таких курсов было всего три, что во всех системах измерения кажется малым и терпимым, а по моим личным ощущениям – мучительно долгим.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой вроде бы ничего важного не происходит

Наступил канун Нового года. Терапия, подчинившая себе два месяца моей жизни, наконец закончилась. Новый год я встретила с отполированной до зеркального блеска лысой головой и большими надеждами на будущее. Самое сложное – первый ужас, оцепенение, тяжелейшая химиотерапия – прошли. Теперь же я собралась, окрепла и, что называется, поймала волну. Я, как неопытный серфер, десятки раз сброшенный ударом волны в воду, наконец-то научилась использовать ее мощь в своих целях. Я словно поняла, как ловить ветер, управлять своим телом. Теперь я бесстрашно врзалась в темные воды океана, твердо зная, что я выстою. Подбирала удобный момент и запрыгивала на свою доску, уверенно ощущая ее под ногами.

Всю силу воли, энергию и оптимизм я направила на достижение главной цели – вылечиться. Как можно скорее оставить позади этот этап жизни. Собранная, сконцентрированная, я четко шла вперед и видела, как легко подчиняются обстоятельства, когда отбрасываешь ненужные эмоции. Я читала всё, что попадалось мне в руки, на тему силы мысли,

позитивного мышления, управления подсознанием. Слезы, сомнения и страх отныне в моем арсенале не залеживались, я хладнокровно обрубала всё, что могло тянуть меня ко дну, в пучину отчаяния.

Далее по плану мне предстояла лучевая терапия. Я съездила на консультацию к радиологам в питерский НИИ и вернулась домой с назначением. Местные врачи с восторгом рассказывали, что недавно им поставили современный мощный и дорогостоящий аппарат. Поэтому я решила не оставлять семью на полтора месяца и пройти лечение рядом с домом.

Как раз в это время на моей оперированной груди появилось небольшое красное пятно. Красное безобидное пятно. С чуть размытыми краями, абсолютно безболезненное, словно случайная клякса от соуса на скатерти, оставленная неаккуратным гостем.

Такое неважное, незначительное, скучное, что на него было даже неинтересно смотреть. Обычное пятно. Но я смотрела. На третий день не выдержала, сфотографировала и отправила Красавчику письмо. Ответ пришел сразу: «Скорее всего, это аллергия, проколите курс антигистаминных препаратов». Ничего серьезного. Как я и предполагала.

Лучевую терапию пришлось начать с покрасневшей грудью и в легком дурмане от противоаллергических лекарств.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой я чувствую себя Люком Скайуокером

Разрекламированный врачами аппарат был действительно хорош. Почти космический, сияющий хромированными боками, с кучей мигающих кнопок. Когда я легла в него впервые, в голове заиграл саундтрек к «Звездным войнам». Внутри него что-то двигалось и самонастраивалось.

Я терпеливо ждала начала облучения. Но вот в центре управления полетами – вернее, в кабинете с пультом управления – началось какое-то суетливое движение. Туда и сюда сновали медсестры, врачи то и дело подбегали к аппарату, что-то нажимали и передвигали. Наконец один из врачей вышел и авторитетно констатировал: «Не жужжит. Должен жужжать, а не жужжит. Будем разбираться. На сегодня отбой, приходите завтра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.